

Син Янь шёл по тротуару уже долгое время. Он не ел три дня, его глаза голодно светились двумя зелёными огоньками. Под фонарём он старался сжаться, чтобы скрыть свой высокий рост, шаги его были лёгкими, как у кошки, он шёл вплотную к чёрным кустам. От него исходил отвратительный запах, он последний раз мылся месяц назад, и, чуть наклонив голову, он мог почувствовать кислый запах, исходящий из-под шеи. Как запах мусорного бака летом или прокисшего йогурта, который простоял целый год.

Он боялся видеть, как люди морщатся от его запаха, поэтому в темноте он осторожно прятался, надеясь, что тьма скроет его.

Сейчас было одиннадцать тридцать вечера, кроме нескольких человек, вышедших перекусить, на этой улице почти никого не было, но он всё равно шёл с большой осторожностью.

Напротив, под фонарём, стояла палатка с жареными лепёшками. Продавец собирался закрываться, когда к нему подошли мужчина и женщина, закончившие работу, и заказали ещё одну лепёшку. Сегодняшний день был неудачным для бизнеса, на более оживлённой улице патрульные разгоняли торговцев, и он привёз свою тележку в этот тихий уголок. Уже в середине ночи у него осталось немного ингредиентов, обычно он закрывался гораздо раньше. Но продавец ничего не сказал, зажёл плиту и налил тесто на сковороду.

Син Янь остановился. Он смотрел издали, его жалобные глаза сквозь тусклый свет фонаря уставились на сковороду, источающую аромат еды, как одинокий волк, ищущий пищу в пустыне. Продавец упаковал готовую лепёшку и отдал её паре, почувствовав на себе взгляд, он с подозрением посмотрел на Син Яня. Тот тут же опустил голову и поспешно ушёл.

Он почти дошёл до светофора, когда обернулся и взглянул на то место, где был.

Тележки там уже не было.

Он почувствовал пустоту и грусть, хотя это был июнь на юге, он словно оказался в Харбине в декабре, холодный воздух резал лёгкие при каждом вдохе.

Син Янь вздохнул, обнял себя и, пока зелёный свет ещё горел десять секунд, перебежал длинный пешеходный переход. Он был настолько голоден, что ноги подкашивались, перед глазами мелькали звёзды, он едва успел. Полночный автобус повернул за угол и проехал прямо за ним. Водитель сердито просигналил, выражая свои эмоции.

Син Янь обернулся, автобус был тёмным, сзади были пустые сиденья, задние фары, как два красных глаза, пристально смотрели на него.

Он стоял на месте, представляя, как разгневанный водитель, возможно, смотрит на него через зеркало заднего вида, тоже пристально наблюдая.

Син Янь повернулся и пошёл дальше.

Он не ел уже несколько дней и давно забыл вкус еды. Несколько дней назад он мог найти в мусорном баке остатки еды, только что выброшенные, если повезёт, найти наполовину съеденный гамбургер, недопитый молочный чай, упавшие шашлыки.

Но три дня назад он вдруг перестал это делать.

Когда Син Янь увидел в витрине своё давно забытое отражение, огромная печаль накрыла его, почти утопив в бурном потоке. Он сел на корточки в тёмном углу переулочка и долго плакал.

Только когда пёстрый котёнок прыгнул ему на голову и мяукнул, он заметил зелёный мусорный бак рядом, который раньше совсем не замечал.

Син Янь с грустью подумал, что он стал таким же, как содержимое этого бака, от него исходил неприятный запах, и все старались держаться подальше.

Холодный лунный свет падал с крыши, освещая его грязное лицо. Син Янь при свете луны посмотрел на свои раскрытые ладони и издал стон, слёзы текли по его лицу и падали на твёрдый пол. Он опустился на колени, упёрся лбом в сжатые кулаки и громко рыдал, словно пытаясь выплеснуть все годы страданий вместе со слезами.

Вокруг были тёмные здания, ни один свет не освещал его. Из нескольких окон доносились звуки телевизора, он услышал неясную мелодию пианино, доносившуюся издалека, как песня сирен, звучащая с одинокого утёса в море.

Это была «Серенада» Шуберта, самая известная её версия, он слышал её во многих местах и сам её исполнял.

Син Янь поднял голову, прислушиваясь к направлению звука, его пальцы непроизвольно играли на полу. Слёзы текли по его лицу, взгляд был одурманенным, словно он погрузился в светлую мечту.

Музыка внезапно прекратилась, и начались новости Центрального телевидения. В одно мгновение тысячи дверей захлопнулись перед ним, и он снова погрузился в темноту. Холодный кошмар окутал его, его сердце было как в лабиринте без выхода или в бесконечном тёмном туннеле, отчаяние кричало.

Он провёл пять лет в смятении.

Когда он оглянулся на пройденный путь, дом был уже слишком далёк, прошлое скрыто туманом, а будущее всё ещё неясно.

В городе миллионы огней, за каждым окном — семья, тёплый свет проникал сквозь прозрачные или матовые стёкла, украшая ночь города. Только холодный лунный свет освещал таких, как он.

Син Янь сидел на земле, осторожно перемещаясь в ещё более тёмный угол, прислонившись спиной к стене, плечом к мусорному баку, тело его сжалось, как ничтожная пылинка.

В эту ночь он решил положить конец своей абсурдной жизни.

Никто бы не поверил, что этот бородатый, с длинными грязными волосами, кормящийся из мусорных баков мужчина пять лет назад был невероятно знаменит. Одетый в костюм, с приятной внешностью, он носил титул «самого перспективного молодого пианиста в стране и за рубежом», появлялся на обложках модных журналов, множество звукозаписывающих компаний предлагали ему контракты. Как луна, окружённая звёздами, его будущее было безграничным.

Теперь он был жалок и одинок, шёл в темноте, вдали от шумной толпы, только звёзды и луна были его спутниками.

В городе X была река, сейчас был сезон дождей, и вода поднялась, он решил закончить свою двадцативосьмилетнюю жизнь там.

Никто его не увидит. Когда его раздутое тело приплывёт в следующий город, это будет через несколько дней. Полицейские выловят его, не смогут установить личность и назовут «безымянным мужчиной», повесят бирку с номером на большой палец ноги, положат в один из пустых морозильников в морге, зарегистрируют, внесут в список пропавших без вести — мужчина, возраст от двадцати трёх до тридцати двух лет, рост около ста восьмидесяти одного сантиметра. Также запишут форму зубов, группу крови, все эти данные будут занесены в его файл. Через несколько лет, когда родственники найдут эти запылившиеся данные в огромном архиве, он уже будет вынут из морозильника, кремирован, разложен на части, разложится и исчезнет без следа.

Больше не будет мужчины по имени Син Янь, который когда-то сидел в Варшавской филармонии, получая международную награду, когда аплодисменты, как прилив, обрушивались на него со всех сторон.

Он пал, погрузился в грязь, каждый шаг его тянули тысячи тонн страданий, он не мог идти, они тянули его в ад.

В его поле зрения появился белый, лишённый всякой красоты мост, перекинутый через реку. Мутная вода бурно текла, на берегу стояли жёлтые предупреждающие знаки.

Было уже половина первого ночи, он поднялся на мост, где не было ни души, и смотрел на бурлящую воду внизу, застыв в оцепенении, вдруг схватился за перила и без предупреждения зарыдал, сопли и слёзы текли по его грязному лицу, черты лица исказились.

Ночь была тихой, вокруг не было ни звука, его истерический плач не привлёк ничего внимания.

Син Янь почувствовал, что его действительно бросил весь мир, когда он сбежал из концертного зала, заполненного пятьюстами людьми.

В тот день, выбежав из дверей, полуденное солнце осветило его чёрный фрак, пот, стекающий с головы в глаза, ослепил его, он не обращал внимания на крики сзади, а просто бежал по раскалённому асфальту. Так что пять лет самоизгнания были всего лишь самообманом, жизнь была как вечный поезд без управления, который, свернув с рельсов, не может остановиться или вернуться на прежний путь, пока не разобьётся.

Нет — выбор сделал он, он сам перевёл стрелку, он сам бросил мир позади.

[Примечание автора: Текст описывает глубокий эмоциональный кризис и саморазрушительное поведение персонажа, потерявшего себя. Отсылки к классической музыке (Шуберт, Варшавская филармония) контрастируют с его нынешним жалким состоянием, подчёркивая глубину падения.]

<http://bllate.org/book/16327/1473730>